

Пятилетняя Катюша, говорливая непоседа, залезла к дедушке на колени. Старец, поминутно задремывая, отдыхал в кресле после обеда.

- Дедушка, а, дедушка, - тормошила его внучка.

- Ну что, егоза?

- Дедушка, а почему тебя так смешно зовут?

- Как же смешно? Обыкновенно - Иваном.

- Да нет, а что зовут тебя прапра-дедушка. Ты, что ли, правильный, правильный дедушка, а чтоб не было длинно и говорят: пра-пра?

Дед усмехнулся, поглаживая седую, с ветхой желтизной по краям бороду.

- На все-то, вострушка, у тебя вопросы есть.

- Дедушка, а почему у тебя борода такая длинная, потому что ты живешь долго? А когда ты, дедушка, умрешь?

В комнату на эти слова заглянула мама.

- Катя! Что ты глупости опять какие спрашиваешь! Пусть дедушка живет дольше. Перестань.

Дед Иван, которому эти вопросы были не в новинку, дотронулся ладонью до внучиной головки с зачесанными светлыми волосами и косичкой с голубым бантом.

- Пусть, пусть живет, - крикнула Катя, и когда мама опять ушла на кухню, встала на кресле, обняла деда за шею, горячо зашептала ему в ухо:

- Деда, честно, ты же сам вчера говорил, что пора тебе умереть, да Бог смерти не дает. А кому ты крестики, что в сундучке твоим лежат, оставишь, мне или Пете?

- Зачем же девочкам Георгиевские кресты? Конечно, Пете.

Катя, нахмурившись, быстро слезла с кресла, подошла к куклам.

- Все только вашему Петечке, - дрожащими губками, с обидой говорила она. - А я так плохая? Он все время с ребятами гуляет, а я с тобой разговариваю. Сам недавно говорил, что со мной тебе весело.

- Конечно, весело, - отозвался дедушка. - Пропал бы я без тебя. Ноги-то меня уж совсем не носят, ты моя первая помощница.

- А если первая, так и дай мне один крестик. В телевизоре показывали, как Кутузов Шурочке Азаровой крестик прицепил. Ей так можно?

- Не сердись, - вздохнул Иван Алексеевич. - Все вам оставлю, ничего с собой на тот свет не унесу. Только помните обо мне.

- Будем, будем помнить, - повелевшая Катюша снова вскарабкалась деду на колени, который морщился от боли, когда бойкие ножки внучки переступали по его старым, костлявым немощным ногам, но терпел.

- Деда, - попросила Катя, - расскажи, как ты Царицу видел.

- Я ж рассказывал тебе не раз.

- Еще расскажи. Жалко тебе, что ли?

Дед рассмеялся.

- Чего не выдумаешь - жалко. Да сколько же можно?

- Ну, дедушка Ванечка. Я тебя всегда, всегда буду слушаться.

- Как же будешь слушаться, коли молитвы не учишь.

- А вот и учу.

- Правда?

- Правда!

Внучка сделала важное лицо.

- Нет, нет, ты под иконы иди. Не стишок, чай, молитва.

Катя стала перед иконами в красном углу, одернула платице, тщательно сложила пальчики для крестного знамения, посмотрела на них, оглянулась на дедушку. Тот кивнул ей.

- Богородице Дево, радуйся, - звонким, счастливым голоском завела Катя, - Благодатная Мария, Господь с Тобой. Благовословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего душ наших. Ой, нет, - поправила она, - и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших. Видишь!

- Что с тобой делать, - подчинился дедушка, - придется рассказывать.

- Это было накануне Рождества Христова тысяча девятьсот шестнадцатого года, - старательно выговаривая числа, пытаясь подражать говору деда, вступила Катя. - Я тогда находился на лечении в госпитале...

- Третье ноября, Ваше Императорское Величество.

- Надо же, - улыбнулась Она, - какое совпадение. День в день ты родился, как моя Оля. Называя меня просто - сестра. Куда ты ранен?

- В грудь, Ваше Импе...

- Сестра, сестра. Как это случилось?

Иван Алексеевич задумался на мгновение, вновь вспоминая ту чудесную встречу, озарившую благодатным светом всю Его жизнь.

Катя терпеливо ждала. Бросив кухонные хлопоты, за шкафом, отделившим большую комнату от кухни, стояла и слушала мама.

Роберт БАЛАКШИН

Царицына внучка

Святочный рассказ

- Да, милая внученька, был я в госпитале и скажу тебе: не чаял выйти из него живым. Цельный месяц лежал пластом, рана моя не заживала, болела, нарывала, гноилась сильно...

- Гноя, случалось, набиралась не одна кружка, - серьезно сказала Катя, зная наизусть рассказ деда и дополнявшая его, если дед что-либо пропускал.

- Да, верно. Спать я от боли не мог. Горит рана, ровно кто углей мне каленых за пазуху насовал. Со мной в палате еще девять человек таких же бедолаг, тяжелораненых. И сказали нам, что придет проведать нас Государыня Императрица Александра Федоровна. Научили, как Ей отвечать должно, переодели нас в новые рубахи, простыни свежие постелили, хотя белье второго дня как сменили. После завтрака и утреннего обхода в палату отворилась дверь. Ожидали мы Царицу увидеть в царском уборе, с короной, как изображена Она с Царем на портрете, что возле образов в палате висел, а вошла сестра милосердия в простом, длинном до пят, белом платье, в косынке с красным крестиком на челе. Высокая, красавица писаная, сразу видно, что Царица. Взгляд добрый, светлый, но печальный.

- Деда, - перебила Катюша, - правда, у меня взгляд тоже печальный? Посмотри.

Дед поцеловал внучку в ясный лобик.

- С чего же ему у тебя печальным быть? Ты же дитя - ангелочку подобна, какие у тебя заботы да печали, а ее доля, матушки нашей, за всю Россию перед Творцом печалиться. Доктор с Нею наш, начальник госпиталя, другие люди. И направилась Она сразу ко мне, не то сказали Ей, не то почувала Она, что я самый тяжелый. Подошла, присела на койку.

Доктор ей что-то бормочет сзади. Она повела своей царской ручкой: не мешай, дескать. Доктор и отдалился.

- Как тебя, солдатик, зовут?

- Рядовой первого батальона, первой роты, первого взвода Вологодского Александра Невского полка Иван Молодцов, - рапортую я, а у самого круги в глазах. Тошно мне, болит рана, мочи нет.

- Сколько тебе лет?

- Двадцать один год, Ваше Императорское Величество, с ноября девяносто пятого года рождения.

- А число?

Ей тоже было не впервой слушать эту боль, но каждый раз она трогала и наполняла душу какой-то грустной радостью. Она не могла надоесть, как не могли надоесть и прислушать жития святых и, слушая неторопливое повествование старца, удостоенного Господом поистине библейской долготы дней, было грустно и радостно думать о тех временах, когда у нас была совсем иная жизнь, совсем иные люди, был у нас Царь, и была Царица, не злая, рыжая немка, как поганили и чернили Ее писаки, а возвышенная женщина, умевшая поговорить с простым солдатом, как с родным сыном.

- А случилось это так. Пошла наша рота в атаку. Спереди и сзади пушки грохочут, пулеметы бьют, крик по всему полю. Прорвались мы через провололочные рогатки, вышибли немцев из траншеи, гоним их. Взводный наш, молоденький поручик, худенький, росточка не великого, а храбрый, как орел. «Вперед, ребята!» - кричит. А из-за бугорка на него немец со штыком, заколет сейчас. «Ваше благородие, берегись!» - кричу я и немцу на перехват. Да малость не успел, немец взводного прикладом в голову оглушил и на меня. Ражий детина, кося сажен в плечах, усищи,

как у тигра. Только и я малый не промах, грузчиком до службы в артели в Архангельске работал, пианину, бывало, по трапу нес, ни одна жилка не дрогнет. Бьемся мы штыками, хруст да звон идет. Я, Ваше Импера... сестра, матушка Государыня, в полку по штыковому бою всегда призы брал, а вот не могу его одолеть, нашла, видать, коса на камень. Сплоховал я, тут он и дал мне в грудь штыком. Опрокинул меня наземь, замахнулся, чтоб на раз порешить, да взводный на мое счастье очухался, из револьвера германца и уложил. Доставили меня в лазарет полевой, сюда в госпиталь, да рана-то заживать

вечерние, одну за другой, боль моя куда-то ушла и чудно мне стало, понять не могу - что со мной. Телом я как будто в палате обретаюсь, друзья рядом спят, а душой в саду дивном хожу. Что за сад такой, ведь зима за окном, а здесь деревья зеленые, цветы, трава-мурава кудрявая, птицы поют и таким духом сладостным, ладанным веет, что дышишь, не надышишься.

Спал я или не спал, только на дворе уж светает, а я словно заново родился. Ничего не болит у меня, душе открылся простор небывалый, в голове думы вольные, бодрые. Встал я да соколом по палате хожу. Доктор в палату зашел и ко мне, растопырив руки, бежит.

- Ложись сию секунду, кто

вставать позволил?

- Да на что мне лежать, коли я здоров совсем, говорю я ему, да рукой-то, которой вчера шевельнуть не мог, как прижамкну его к себе, он аж ойкнул.

Бинты с меня сняли, доктор и руками всплеснул.

- Господи, Пресвятая Владычица, - говорит да не переставая крестится. - Чудо, чудо подлинное! За одну только ночь такая рана зарубцевалась. Такая рана! Глядите, и кожа новая выросла.

Из других палат доктора набежали, крутят меня, рассматривают со всех сторон, поверить не могут.

- Так вот, внученька, и повидал я ее, матушку-Государыню.

Катя обычно по окончании рассказа дедушки принималась усердно лечить кукол: делала им перевязки, ставила градусники, компрессы, уговаривала их потерпеть, крепиться, брать пример с солдата Ивана Молодцова. Сегодня она задумчиво отошла в угол под иконы и, взявшись ручками за нижний край покатога аналоя, смотрела на них. Какая-то внезапная мысль пришла ей. Такое бывает с маленькими детьми. Их беда, что они подчас не могут выразить посетившее их откровение словами.

- Деда, - спросила она наконец, - а если б Царица не пришла, ты бы умер?

- Катя, - сказала мама, - оставь дедушку в покое, он устал. Ступай, займись каким-нибудь делом.

- Деда, скажи.

- Как знать. Дела-то мои были плохи.

- А если б ты умер, и мамы нашей не было бы?

Дедушка развел руками.

- А без мамы и меня бы тоже?

Мама, угадавшая ход мыслей дочки, присела к ней, обняла за плечики.

- Все правильно, Василиса Премудрая. Если б не Александра Федоровна, тебя бы не было. Уж не хочешь ли ты сказать, что ты Ее внучка?

- Деда, - что-то еще хотела спросить Катюша, но мама на цыпочках повела ее из комнаты.

- Тсс, дедушка спит.

Иван Алексеевич Молодцов, отметивший неделю назад свой сто первый день рождения, рядовой Российской Императорской армии, Георгиевский кавалер, воин Белой армии, тридцать лет мыкавший свое русское горе на чужбине и полвека назад возвратившийся на Родину, спал. Кто ведал, что снилось ему сейчас накануне наступавшей Рождественской ночи.